

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ГОВОРОВ ПОЗДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ГЕНЕТИЧЕСКИХ КООРДИНАТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ КУБАНИ)**

Аннотация. В статье на материале кубанского диалекта раскрывается актуальность изучения лексико-семантического пространства говоров позднего образования в генетических координатах. Предлагаемое направление исследования дает важные сведения о степени близости говоров вторичного образования к материнскому языку и раскрывает их локальное своеобразие.

Ключевые слова: говоры позднего образования, кубанский диалект, генетические координаты, локальное лексико-семантическое своеобразие.

Вопрос о словарном составе говоров принципиален для диалектологии, поскольку он непосредственно связан с определением лингвистического статуса диалектов как одной из форм существования национального языка. Что касается говоров позднего образования, то актуально, на наш взгляд, рассмотреть их лексический состав в генетических координатах. Предлагаемое направление исследования позволяет выяснить, является ли слово, функционирующее в говорах вторичного образования, принадлежностью материнской лексической системы, вошло ли оно в местный диалект из других языков, непосредственно с ним контактирующих (для кубанских говоров — из языков народов Кавказа), или представляет собой локализм, родившийся «на местной почве». Генетический подход, таким образом, предоставляет важные сведения о степени близости говоров вторичного образования к материнскому языку и раскрывает их локальное своеобразие. При отнесении слов кубанских говоров и их значений к локализмам мы ориентировались на данные СРНГ, на слова русского литературного языка и на украинские лексикографи-

ческие источники, прежде всего на «Словарь украинского языка» Б. Д. Гринченко, в котором отражен лексикон, послуживший материнской базой для кубанских говоров с украинской языковой основой. Бесспорно, отсутствие анализируемых слов и ЛСВ в перечисленных изданиях или наличие в СРНГ соответствующих помет, указывающих на их фиксацию только в кубанских говорах, не всегда является показателем локальности. Лексикографические лакуны могут свидетельствовать и о низкой степени актуализации значений и слов в материнских говорах. Между тем представляется, что регистрация подобных фактов демонстрирует самобытность лексико-семантического пространства говоров вторичного образования, которая проявляется как в наличии локализмов, так и в актуализации значений и слов, не отмеченной в материнском языке.

В кубанском диалекте преобладает лексика материнских лексических систем, вошедшая в лексическую макросистему кубанских говоров в начальный период их формирования. Данное обстоятельство закономерно и объясняется экстралингвистическим фактором — переселением на Кубань носителей украинских и южнорусских говоров: воронежских, курских, рязанских, орловских, тамбовских. Подчеркнем, что релевантная генетическая особенность кубанских говоров состоит в том, что многие функционирующие в них слова одновременно принадлежат южнорусскому диалекту и украинскому языку. Рассмотрение лексического состава кубанских говоров в генетических координатах демонстрирует, что судьба слов материнских говоров складывается в кубанском диалекте по-разному. Часть из них живет полноценной жизнью, находясь в активном словарном запасе жителей местных станиц, часть выходит из употребления, передается забвению, лексемы могут менять свой внешний облик, перестраиваться внутренне. Так или иначе, слова материнских говоров, бытующие на Кубани, по-своему адаптируются к *местобывтованию* (ср. с термином *месторазвитие*, введенным в научный обиход П. Н. Милюковым, выдвинувшим тезис о значении такого понятия в развитии культуры). Представляется, что фак-

тор местобывования является весьма существенным для диалектного слова, функционирующего в говорах позднего образования. Адаптация слов к местобывованию может проявляться как в консервации, так и в изменении исконных форм и значений. Структурные трансформации, не нарушающие семантического тождества слова, обусловлены специфическими особенностями диалектной языковой системы; семантические и фразеологические трансформации зависят от внеязыковых условий, в соприкосновении с которыми в семантике лексической единицы происходят различные преобразования. Проиллюстрируем изменения в семантике слов на конкретных примерах, приводя контексты, на основе которых формулируются локальные ЛСВ.

Приращение значений. Слово *дегтярь* в кубанских говорах употребляется в прямом полидиалектном значении ‘человек, который топит деготь или продает его’ (Гринченко, I: 385; СРНГ, 7: 327–328). В ст-це Платнировской у него записано локальное значение, имеющее иронический, пренебрежительный оттенок, — ‘неженвшийся мужчина 30–40 лет’: *Называ́ли «дихтя́ри» — дядьки тры́цати, сарака́ лет, а он ни жы́ни́лся. Я ж рассказывал: мой брат ни жы́ни́лся да тры́цати́ лет. Их называ́ли «дихтя́ри». Ужэ́ старі́к, ужэ́ на́да дитя́й иметь, симью́ — ни жы́ни́лся.*

В словарях украинского языка существительное *женáч* не отмечено. В СРНГ оно представлено в значении ‘Женатый мужчина. Молодой женатый мужчина’. Урал. 1960 (СРНГ, 9: 124), в котором слово зафиксировано и на Кубани: *Жы́на́ч, а до дифча́т идэ́* (ст-ца Ленинградская). Записанные в ст-це Ярославской контексты позволяют выявить у лексемы локальный ЛСВ ‘молодой неженатый парень от 18 до 20 лет’: *Када́ я ище́ у жы́на́ча́х хади́л, ана́ ми́не нра́вилась... Драли́сь пад ба́чки, кулачка́ми, начина́ли малы́шы́, лет на де́сять–двина́цать, па́том выхаді́ли рибя́ты па́ста́ршы, па́том жы́на́чи́, а за ні́ми ужэ́ мужы́ки́ и ста́ршы.*

Лексический диалектизм *задріпанка* СРНГ подает со следующим толкованием: ‘Неопрятная, неаккуратная женщина замарашка, неряха’ с единичной фиксацией — с пометой Усть-Лабин. Краснодар., 1965 (СРНГ, 10: 68). В кубанские говоры с южнорус-

ской языковой основой лексема попала из кубанских говоров с украинской языковой основой, в которых она является принадлежностью материнского языка (ср.: *задріпанка* ‘Забрызганная грязью, неряха’; см. также: *задріпа*, *задріпанець*, *задріпаній* ‘Забрызгавшийся грязью, неряха’, *задріпати*, *задріпувати* ‘Забрызгивать, забрызгать грязью нижнюю часть платья’ (Гринченко, II: 36). Носители кубанских говоров, употребляют слово *задріпанка* как в указанном ЛСВ, так и в локальном значении — ‘неказистая, невидная девушка или женщина’. Ср. записанные контексты: *Ходэ заныхаяна, ну така задріпанка* (ст-ца Старокорсунская) — *Сын тётки Вальки жынівсь, узяв таку задріпанку: ны кожы ны рожы* (ст-ца Старокорсунская).

Общепринятое существительное *козёл* помимо литературных значений в местных говорах зарегистрировано в трех локальных ЛСВ. Так, в ст-це Передовой *козлом* называют первую волну при наводнении: *У нас тут наваднёния бывають. Пёрвую валну у нас называють «казёл»*. Появление данного значения, вероятно, могло произойти по аналогии с развитием переносного ЛСВ у слова *барáшки* ‘белая пена на гребнях волн’. В результате метафорического переноса у слова *козёл* в кубанских говорах развились также значения ‘самодельная электрическая печь на ножках для обогрева помещения’ и ‘уазик’. Приведем их актуализацию в записанных контекстах: *Ва фсё щёли дуеть, так и казёл ни сагрётъ* (ст-ца Некрасовская). *Вин робыв на козлу. Козёл — цэ увазик* (ст-ца Гривенская).

Полидиалектными являются значения ‘1. Глубокая выбоина, ухаб, рытвина на дороге. 2. Глубокое место, яма в реке, озере, пруде’ слова *колдóбина*, которое МАС подает с пометой *Обл.* (МАС, II: 90). (ср. с укр.: *ковдóвина*, *колодóвина* ‘Выбой, ухаб’ (Гринченко, II: 271). Кроме указанных ЛСВ, у лексемы в кубанских говорах зарегистрировано еще одно локальное значение, образованное в результате метафорического переноса, — ‘неспокойная, неблагоприятная жизнь’: *Шэсть лет така́я калдóбина: ругаюцца, бьюцца* (ст-ца Старокорсунская).

Лексический диалектизм *кушири́* на Кубани и на Дону функционирует в значении ‘густые водоросли в реке у самого берега’: *Сичас в на́ший рíчки ра́кив нэ пийма́иш: рíчка зайлилась. Вóдоросли пря́м со дна́ расту́т, як вонó называ́ецця, — куши́рь* (ст-ца Каневская). *Та в нас лóтка у кушы́рях застря́ла* (ст-ца Новокорсунская). В кубанских говорах, в отличие от донских, лексема употребляется в форме не только множественного, но и единственного числа (*куши́рь*). Б. Д. Гринченко приводит слово в форме единственного числа с близким толкованием — ‘Водяная крапива’ (Гринченко, II: 335). В других русских говорах фонематический вариант *кушир* также служит для номинации водяных растений (СРНГ, 16: 196). В кубанском диалекте эта лексическая единица широко употребляется еще в одном, локальном, ЛСВ — ‘заросли, чаща’: *В э́нтих кушы́рях я кра́сную ба́рыню кагда́-та ви́дила* (ст-ца Чамлыкская).

Лексема *ти́чка* ‘Стая собак с сукою или волков с волчицею’ представлена в СРНГ как локализм с пометой Кубан. 1949–1951 (СРНГ, 44: 148). Поскольку слово в данном значении зарегистрировано в украинском языке (Гринченко, IV: 267), то можно утверждать, что в кубанские говоры с южнорусской языковой основой оно пришло из говоров с украинской языковой основой: *Ти́чкай у нас заву́ть ста́ю валко́в, кагда́ валчи́ца гуля́йицца. Валчи́ца насабира́ла питна́цать валко́в, цэ́лую ти́чку* (ст-ца Отважная). *Иду́, а там ти́чка соба́к* (ст-ца Бузиновская). На базе данного ЛСВ в местном диалекте развилось локальное значение — ‘компания, группа людей’, в котором слово может употребляться не только как нейтральное, но и с неодобрительной коннотацией. Ср. записанные контексты: *Щас сва́дьба — вжык! Всэ — сва́дьба ко́нчилась. А ра́ньшэ взде́ жы́ных нывэ́сту з то́го кра́ю на то́й край, и за ны́м ти́чка люде́й иде́ и спива́е* (ст-ца Ахтанизовская) — *Ты внов ти́чку навёл?* (ст-ца Динская).

Как моносемант представлено в СРНГ и в словаре Б. Д. Гринченко прилагательное *голомóзый*: ‘Плешивый, лысый’ (СРНГ, 6: 320; Гринченко, I: 304), см. также структурный вариант *голомы́сый* ‘Безволосый или с очень редкими волосами на голове’ (СРНГ, 6:

320). «Словник української мови» подает слово как полисемант ‘1. Без волос, лысый или бритый. 2. в знач. суц. Про турок, татар, которые имели обычай брить головы’ (СУМ, II: 115). В этих значениях лексема имеет на Кубани широкую дистрибуцию: *Галамозый — эта лысый, бизвалосый* (ст-ца Зассовская). *Бывайить маладой, а ужэ галамозый* (ст-ца Новобейсугская). *На лысава, без валос гаваряят «галамозый»* (ст-ца Отважная). *Вин побрыл го́лову и тэпэр голомозый* (г. Усть-Лабинск). *Чиркэсав назывáli галамозый: ані брыли го́лавы* (г. Усть-Лабинск). В наших материалах у диалектизма зафиксированы еще три локальных ЛСВ, образованных в результате метафорического переосмысления. Приведем их актуализацию в соответствующих высказываниях информантов: ‘без головного убора’: *Сты́дна на люди наказáцца галамозай* (ст-ца Константиновская); ‘легко одетый или раздетый’: *Такый вйтэр, а ты отó хóдыш голомозая. Кóхту надíнь* (г. Термрюк); ‘бедный, неимущий’: *Кальца абручáльнава ни насíли: галамозый бы́ли* (ст-ца Зассовская).

В украинском языке слово *дохожáлий* означает — ‘Взрослый, в летах’, см. также *дохожáлость* ‘Пожилые лета’ (Гринченко, I: 436). В СРНГ прилагательное *дохожáлый* представлено без иллюстраций в двух ЛСВ — ‘1. Имеющий от роду от 22 до 30 лет. Терск., Кубан., 1901. Зрелый, не первой молодости (о юноше, которому пора жениться, или о девушке, которую пора выдавать замуж). Южн. Даль. 2. Опытный, бывалый’ Кубан., 1905–1921’ (СРНГ, 8: 162). В наших материалах слово зафиксировано в контексте, актуализирующем наличие у него второго локального значения: *Взялысь нас провóдять рыбьята, и оды́н, знáчить, ужэ дохожáлый пáрэнь, такый вжэ, знáчить, щé з жíнкой развóдывся, такый вжэ, щé, знáчить, в а́рмийи був* (ст-ца Старомышастовская).

Носителями кубанского диалекта глагол *в́ылынять*, в местной огласовке также — *в́ылынять* — употребляется как в общенародных значениях, так и в локальном переносном значении ‘похорошеть, измениться внешне к лучшему’: *Яка бу́ла гы́дка, а в́ылыняла — така красы́ва ста́ла* (ст-ца Старотитаровская).

Утрата значений (во многих случаях более корректно говорить об отсутствии данных об употреблении слова в том или ином значении, хотя отдельные факты очевидны). Речь, бесспорно, не идет о тех случаях архаизации, когда значение слова угасает или вообще «умирает естественной смертью» в силу исчезновения обозначаемой реалии. Количественные изменения в семантической структуре лексических единиц материнского языка правомерно рассматривать на синхронном срезе. Так, слово *го-робѣц(ь)* ‘воробей’ в местных говорах — моносемант. В украинском языке оно имеет еще два ЛСВ, не отмеченных на Кубани, — ‘1. Название вола, цветом подобного оперению воробья. 2. Род орнамента на писанках’ (Гринченко, I: 314). В курских говорах этим словом называют также соловья (СРНГ, 7: 54), что для Кубани не характерно. Диалектизм *дурѣнда* в кубанских говорах имеет два ЛСВ ‘1) дурак и дура; 2) жмых из семян подсолнечника’. В смоленских говорах лексема *дурѣнда*, *дурѣнда* служит также для номинации брюквы (СРНГ, 8: 266, 273). Слово *метѣлык* на Кубани, как и на Украине, номинирует бабочку, мотылька; во втором ЛСВ ‘листовка, прокламация’, отмеченном в словарях украинского языка (СУМ, IV: 687), эта лексема в местных станицах не зарегистрирована.

Возможны также *комбинированные случаи*: лексическая единица одновременно утрачивает значение(я) и приобретает новое(ые). Представляется, что после образования в семантической структуре лакуны слово как будто стремится к заполнению «пустоты» другим, актуальным для данной языковой среды значением. Так, в кубанских говорах как с южнорусской, так и с украинской языковой основой функционирует слово *бѣбка* в значении ‘ягода’, которое записано в донских и смоленских говорах (БТСДК: 57; СРНГ, 3: 234). В Белоглинском и Мостовском районах Краснодарского края этим словом называют ‘косточку фрукта (абрикоса, вишни и т. д.)’: *Абрикóсы кóлим на сѣшку, а бѣпку удаляѣим* (ст-ца Успенская). В смоленских говорах слово служит для ласкового обращения к человеку (СРНГ, 3: 234), на Кубани этот ЛСВ не зафиксирован.

Интересен процесс развития дополнительных значений у слова *ганчірка*. Б. Д. Гринченко отмечает у него два ЛСВ — ‘1. Тряпка, тряпица, ветошка, стирка. 2. Грязное старое платье’ (Гринченко, I: 271). Словарь украинского языка (СУМ) подает слово в четырех значениях: ‘1. Кусок старой, изношенной тряпки. 2. *перен., презр.* Изношенная, старая одежда. 3. *прен., презр.* О женских нарядах. 4. *перен., презр.* О безвольном, бесхарактерном человеке’ (СУМ, II: 27). В СРНГ лексема представлена как моносемант — ‘Тряпка для вытирания чего-л. Южн. Даль [с приведением другой формы: *гарничка* и с примеч. От гарнец — 7]’ (СРНГ, 6: 136). На основе записанных на Кубани контекстов: *Простэлым ганчірку, покладём буханку хліба та глэчик з молоком поставым* (ст-ца Крыловская). *Ти ганчірки — цэ дужэ грязни* (ст-ца Марьянская). *Кажуть: красівой дівки хорошó и в ганчірки* (с. Новопавловка). *Якá Нінка ганчірка! Ну грязну́ля!* (ст-ца Динская) — можно вывести 4 ЛСВ ‘1) тряпка, тряпица; 2) грязная тряпка; 3) *презр.* изношенная, старая одежда; 4) *перен.* неряха’. Четвертое локальное значение в кубанском диалекте поддерживается устойчивым сравнением *гязный як ганчірка* — ‘*презр.* об очень грязном человеке’: *Шо ты явівся, гязный як ганчірка* (с. Михайловское).

Из трех ЛСВ, представленных в словаре Б. Д. Гринченко у слова *квóчка*, в кубанских говорах зафиксирован только первый — ‘1. Наседка. Два других — ‘2. Созвездие плейды. 3. Название играющего ребёнка в игре в пиж.’ (Гринченко, II: 234) — в наших материалах не отмечены. В русских говорах лексема имеет широкий ареал в первом значении; в псковских и тверских говорах она также служит для номинации быстро говорящей женщины (СРНГ, 13: 170–171). В первом ЛСВ слово входит в общекубанский лексический пласт. При этом *квóчкой* одни информанты называют курицу с цыплятами, другие — курицу-наседку. У лексемы зарегистрировано также локальное значение — ‘сорт зубчатого лука’, которое представляет собой результат метафорического пересмысления первого ЛСВ: *Квóчка — зубчатый лук. Он на части распада́ицца, и как у квóчки цыплята-дóльки* (ст-ца Чамлыкская).

Фонетические варианты *кѳрна*, *кѳрна* функционируют на Кубани в двух ЛСВ — ‘1) курносый нос; 2) нос’: *Кѳрна* — *нис курносый* (ст-ца Курчанская). *На нѳс так и кѳжутъ* — *кѳрна* (ст-ца Бриньковская). Устойчивость первого значения поддерживается прилагательными *кы(и)рпѳтый*, *кѳ(ѳ)рпѳносый* — ‘курносый’; второго — фразеологизмом *задрѳть кѳ(ѳ)рпу* — ‘задрать нос; зазнаться, загордиться’, — широко бытующими в кубанских станицах. В украинском языке слово имеет следующее толкование — ‘1. Короткий, вздернутый нос. 2. Про человека с таким носом; 3. *перен., нар.-поэт.* смерть’ (СУМ, IV: 152) (два последних ЛСВ на Кубани не отмечены). Семантические сетки слова, функционирующего в кубанском диалекте и в русских говорах, совпадают только в первом значении (ср. лексикографическую разработку сущ. *кѳрна* в СРНГ — ‘1. Вздернутый, короткий нос. Зап. Брян., 1957. // Нос. Зап. Брян., 1957. 2. Курносый человек’ Южн. [?]. Твер. [?]. Даль (СРНГ, 13: 222).

В украинском языке слово *мѳнтус* означает ‘Ломоть, кусок хлеба, полученный нищим, вообще всякая съедобная подачка нищему; отсюда *мѳнтус* — просто подачка, остатки пищи, даваемые нищим и пр.’ (Гринченко, II: 426). В южнорусском диалекте лексема не отмечена, и данное обстоятельство позволяет считать, что на Кубань она пришла из украинского языка. Однако здесь диалектизм *мѳнтус* употребляется в двух других локальных ЛСВ — ‘1) вкусная еда, обычно сладости; 2) разборчивый в еде человек’: *У нас всякы вкуснѳтыны «мѳнтус» назывѳлы. Цѳ гѳрни конхвѳты, прѳныкы. Цѳ булѳ мѳнтусы* (г. Славянск-на-Кубани). *Мѳтѳ звѳрэ лѳвко и ѳго зовѳ, а вин такѳый мѳнтус був, шо усѳ пырѳбырѳв у едѳ* (хут. Беднягина). Первый локальный ЛСВ представляет собой переосмысление исконного значения слова (ср. бытующее народное представление: остатки сладки). Второй ЛСВ развился на базе первого локального ЛСВ.

У прилагательного *мѳрый* Б. Д. Гринченко фиксирует, кроме ЛСВ ‘Тѳмно-серый, испещрѳнный пятнами (о масти)’, ЛСВ ‘Смутный’ (Гринченко, II: 455). В южнорусских говорах по данным СРНГ лексема также функционирует в двух ЛСВ ‘1. Бурый, чѳр-

но-коричневый или желтовато-серый. Даль [без указ. места]. Дон.' и '2. С полосатой окраской (о скотине)' (СРНГ, 18: 361). В кубанских говорах слово зарегистрировано в трех значениях. Центром номинации первых двух ЛСВ является сема 'цвет, окрас', на базе которой сформировались значения: 'бурый (о масти животных)', 'рыжий, веснушчатый' (ср. 'испещрённый пятнами' в укр. языке): *Карóвы бы́ли чё́рнайи, кра́снайи и му́райи бы́ли* (ст-ца Андрюковская). *Де́вочка конопа́та, ну така́ му́ра-му́ра* (ст-ца Ленинградская). Третье значение 'хитрый', вероятно, возникло в результате переосмысления второго, так как по народным представлениям рыжие люди отличаются хитростью и изворотливостью: *Ох ы му́ра оца́ кии́шка: хова́еция у ха́ти — нэ най́дэши* (ст-ца Стародеревянковская). Второе и третье значения диалектизма являются локальными. Значение 'смуглый' в кубанских говорах не зарегистрировано.

Глагол *галаса́ть* Б. Д. Гринченко регистрирует как моносемант 'Драть горло, кричать, вопить' (Гринченко, I: 267). Отсутствие слова в СРНГ (в нем представлено только однокоренное сущ. *галас* 'Крик, шум голосов, шумный говор' Южн. Даль (СРНГ, 6: 105) позволяет признать, что лексема вошла в кубанские говоры из украинского языка. На «кубанской почве» значение слова было переосмыслено, на его базе родился полисемант '1) бегать с криком и шумом; 2) гулять, веселиться; 3) *перен.* сильно кипеть (о жидкости)': *Вэ́чиром, як ужэ́ корóвы пры́дуть, як начнэм по у́лыци галаса́ть* (ст-ца Азовская). *Оца́ Саи́ко. Ще нэ жы́ны́всь, ще бы́га, галаса́е, прывы́дэ дру́зьи́, му́зыку вруба́ють* (г. Тимашевск). *Ой, побижу́ до до́му: в мэ́нэ там бо́риц, галаса́е* (ст-ца Новокорсунская). Общим семантическим компонентом, для всех трех ЛСВ являются семы 'шуметь', 'издавать шум'. Не сохранив исходное значение, слово приобрело в местных говорах три локальных ЛСВ.

Функционирующий в кубанском говоре глагол *закуви́кати* / *закуви́кати* в значении 'начать пронзительно визжать (о свинье)' отмечен и в украинском языке, и в тульских говорах (Гринченко, II: 55; СРНГ, 10: 172). На Кубани у слова, кроме указанного значения, обнаружено также переносное — 'заплакать, заныть (о чело-

веке)’: *Адѣть нѣчиво, укрьѣцца нѣчим: салѳмки брѳсиш, лѳжником адѣнишся и кувѣкайши* (ст-ца Вознесенская). См. также одноко- ренное имя существительное общего рода *кувѣкалка* ‘плакса’, за- писанное в ст-це Воронежской: *Ну, закувѣкал, кувѣкалка* (ст-ца Воронежская). Значение ‘О сове: закричать’ (Гринченко, II: 55), которое зафиксировано у лексемы в украинском языке, в наших материалах не представлено, как и украинизм *кувѣк* ‘сова’.

Отмечены случаи, когда лексема в новых условиях бытова- ния меняет эмоционально-оценочную характеристику. Так, слово *мармиза* украинские лексикографические источники регистриру- ют со следующими пометами: ‘*вульг.* Лицо, обличье’; ‘Презритель- но о лице, морда, рожа’ (СУМ, IV: 630; Гринченко, II: 406). В кубан- ских говорах существительное употребляется с шутливым, иро- ническим оттенком, часто по отношению к детям: *Идѣи и умѳи мармѣзу* (ст-ца Мингрельская). Изменение коннотативного зна- чения может сочетаться с различиями на уровне дифференци- альных сем. Так, Б. Д. Гринченко фиксирует слово *вѣлупок* ‘Дети’ как бранное слово (Гринченко, I: 168). На Кубани лексема *вѣлупок* записана как нейтральная в значении ‘хилый болезненный ре- бенок’: *Бывѣит, шо симѣя нормѣльная, а одѣн болѣзнинный. Это вѣлупок. А потѳм той вѣлупок как вѣмахаит под двѣ мѣтра, быкѣ рогѣ вѣртѣ* (ст-ца Копанская). См. также: в нейтральном зна- чении или с ироническим оттенком *вѣлупень* ‘ребенок’: — *У дочкѣ дочкѣ и сын. Двѳе вѣлупнив.* — Как? Вылупни? Это как? — *Цѣ дѣты. Вѣлупни* (хут. Ананьевский). Глагол *ремыгѣть* в наших ма- териалах представлен в двух ЛСВ — 1) жевать жвачку (о живот- ных); 2) есть, медленно пережевывая (о человеке)’: *Заболѣла ко- ровѣ тай пырыстѣла рымыгѣть* (ст-ца Азовская). *Сыдѣть, два часѣ рымыгѣе за столѳм* (ст-ца Азовская). Б. Д. Гринченко также отмечает у слова два ЛСВ ‘1. Жевать жвачку (о волах). 2. О лю- дях грубо: есть, жрать’ (Гринченко, IV: 12). Вторые значения сло- ва совпадают на уровне интегральной семы — ‘есть’ и отличают- ся дифференциальными: ‘*медленно пережевывая*’ и ‘*с жадностью*’, кроме того, в данном значении глагол в кубанских говорах имеет скорее неодобрительную коннотацию.

Следует подчеркнуть, что в большей части лексика материнских говоров, бытующая на территории распространения кубанского диалекта, сохраняет значение, зарегистрированное в лексикографических источниках. В этой стабильности проявляется важное свойство слова как единицы языка, которая «стремится к собственному тождеству (= равенству самой себе), к неизменности и постоянству, ибо каждая единица, по определению, представляет собой относительно устойчивое единство звучания и значения». С другой стороны, «слово под давлением внешних обстоятельств (внеязыковых реалий) стремится «выйти из себя», измениться в своих значениях и функциях»¹. Оказавшись в новой диалектной системе, существуя только в устной форме, при отсутствии кодифицированных норм, при прикрепленности высказывания к определенной ситуации, слово проявляет как устойчивость, верность самому себе, своему материнскому языку, так и гибкость, изменчивость, подвижность семантической структуры. Статичность и динамичность как имманентные свойства слова являются показателем его жизнестойкости и принципиальной неисчерпаемости, заложенных в нем потенциальных значений.

Определенную самостоятельность лексической системы говоров вторичного образования демонстрируют *собственно* локализмы — диалектные слова, родившиеся «на местной почве». Они образуются по тем же словообразовательным моделям, что и слова литературного языка. При этом граница между узальными, окказиональными и индивидуальными лексическими единицами не имеет четких очертаний. Приведем некоторые примеры. *Мушáтить* ‘много и тяжело работать’. Глагол является однокоренным с акцентологическими вариантами *му́ша* и *мушá* ‘Переносчик тяжестей, носильщик. Му́ша. Кавказ., Даль. Мушá. Телав. Тифлис., 1909. Отрадн. Краснодар’ (СРНГ, 19: 43). *Он харóбийый, хазяин харóбийый. Он мушáтит: дом éтат апклáл, кúхню там абдéлал, такой паря́дак. Мушáтит, да тавó мушáтит* (хут.

¹Лыков А. Г. Асимметризм русского слова // Вопросы русистики. Избранное: Т. 2: Лексикология. Краснодар, 2003. С. 183.

Ильич). Фонетический состав корня глагола позволяет предположить его родство с существительными *маштáк* 'порода низких степных лошадей, сильных и выносливых, но не обладающих большой резвостью' и *мушáк* (записано в ст-це Копанской Ейского района в устойчивом сравнении *як мушáк* 'о человеке, который способен много работать'). *Отче(а)ма́ха, оче(а)ма́ха* '1) отчаянный человек; сорвиголова; 2) заводила' (ср. с однокорневыми словами общенародного языка: *отчаянный, отчаяться*). Что касается второй части слова: -МАХ(А), то, вероятно, ее можно рассматривать как экспрессивный суффикс (ср. в кубанских говорах: *дыромáха, костомáха*). Словом *сиби́льда́* в Лабинском и Кавказском районах края называют очень худого человека. На Дону зарегистрирована лексема *сиби́ль* 'порода сельдей' (БТСДК: 483). Метафорический перенос *рыба* → *худой человек* достаточно продуктивен (ср. в литературном языке и в русских говорах: *селёдка, тарáнка, чехо́ня*). Диалектное существительное образовано путем прибавления суффикса -Д(А). Суффиксальный способ является достаточно распространенным способом создания локализмов. См. также: *вы́хватка* 'дерзкая, смелая девушка' (от глг. *выхватить* + суффикс -К(А)), *груша́ник* 'лепешка, которую в голодные годы пекли из толченых груш' (от сущ. *груша* + суффикс -АНИК), *ездáчиться* 'груб. ездить' (от сущ. -ЕЗД(А) + суффиксы -АЧИ/ТЬ/СЯ), *звездóвать* '(обряд.) ходить в рождественскую ночь со звездой' (от сущ. *звезд(а)* + суффиксы -ОВА/ТЬ), *свайбóиться* 'намечаться (о свадьбе)' (от сущ. *свайб(а)* + суффиксы -Ь/ТЬ/СЯ) и др.

Отмечены также универбы-локализмы: *гречнёвка* 'гречневая каша', *желе́зница* 'железная дорога', *зачу́ха* 'муж, живущий в доме жены (заведующий чужим хозяйством)', *защíтка* 'защитная лентополоса'.

Продуктивно образование локализмов на основе звукоподражания: *дырдýкала* 'ручная мельничка', *Дóма у кáждава ва дварé дырдýкала стая́ла, кукуру́зу на нéй малóли* (ст-ца Архангельская). *Наглéкаться* 'напиться пьяным': *Робýлы. Як сýлы в посáтки: глэк та глэк, глэк та глэк. Як наглéкалысь!* (ст-ца Медведовская).

Нады́ркать ‘содрать шелуху с зерна на ручной мельнице, переработав его в крупу’: — *Облу́щивали эту кукуру́зу. Кру́пору́шки ходи́ли проси́ли. Нады́ркаим: др-р-р, др-р-р.* — «Надыркаим»? Это как? — Ну да. Она́ жэ так: *др-р-р, др-р-р* (ст-ца Гривенская). *Проху́кать* ‘отогреть дыханием просвет на замерзшем стекле’: *Зимой в акне праху́кали ды́рачку: ху-ху. И гляди́м на у́лицу* (ст-ца Зассовская) и др.

Среди собственно локализмов выделяется ряд сложных диалектизмов. Как известно, тенденция к интеграции двух слов в одно слово достаточно сильна не только в литературном языке, но и в говорах. См., например, *катава́лы, катава́льчики* ‘холмистая целинная земля по склону горы, используемая для сенокоса’: *Па э́тих катава́льчиках, катава́лах каси́ла се́на* (хут. Ильич). Эта лексема, входящая в активный лексикон жителей Отраденского района, зарегистрирована в СРНГ с единственной пометой *Краснодар*, без иллюстративного примера (СРНГ, 13: 119). В русских говорах зафиксированы существительное *вал*, одно из значений которого — ‘ряд скошенной травы’ (СРНГ, 4: 19), а также фразеологизм *ката́ть се́но* ‘грести, сгребать сено’ (СРНГ, 13: 125), что позволяет предположить: *катава́лы* — место, где *ката́ют ва́лы*, или сгребают скошенное сено. См. также: *блудве́й* ‘гуляющий мужчина’, *ды́рогла́зый* ‘большеглазый’, *добропрокля́тый* ‘вспылчивый, но отходчивый человек’ и др.

Особый пласт составляют слова, заимствованные в результате прямых контактов диалектоносителей с представителями кавказских народов. В ст-це Ярославской лексема *бадрижа́н* записана в двух ЛСВ. Если первый ЛСВ ‘помидор’ отмечен и в СРНГ как заимствование из азербайджанского языка (СРНГ, 5: 41), то второй — ‘прозвище жителей ст-цы Ярославской’, имеющий иронический оттенок, является локальным: *Ра́ньше яросла́вских зва́ли «бадрижа́нами»: ани́ так памидо́р называ́ли* (ст-ца Ярославская). Другой пример — *мару́шка* ‘женщина, девушка’. Оно, как отмечает С. Д. Мастепанов, заимствовано казаками от горцев, подстраивающихся под русскую речь (Мастепанов: 55). Слово *кубга́н* М. Фасмер подает как заимствование из терского со следующим

толкованием: 'Большой металлический кувшин' (Фасмер, II: 396). В кубанских говорах диалектизм употребляется в двух фонематических вариантах — *кубáн*, *куба́н*, которые имеют несколько иное значение — 'глиняный высокий горшок, кувшин с узким горлом, обычно с двумя ручками': *э́та куба́н у ми́ня бы́л, разби́лся, в нём агури́цы са́лили* (ст-ца Архангельская). *Куба́н — кушы́н з двумя́ рúчками* (с. Новопавловка). *Маки́тра — бе́з ручи́к, а куба́н — с рúчками* (ст-ца Успенская). Зафиксированные структурные и семантические различия позволяют признать, что слова, заимствованные в результате прямых контактов диалектоносителей с представителями кавказских народов, также могут подвергаться в местных говорах локальному варьированию.

Проанализированные примеры наглядно демонстрируют, как в поисках новых средств выражения кубанский диалект использует общенародные и диалектные слова материнских говоров, перерабатывая их в структурном и семантическом планах, придавая им новые номинативные или экспрессивные функции. Несмотря на имеющееся сходство с материнскими говорами, на так называемую «вторичность», кубанские говоры обладают определенной самостоятельностью, проходят в русском диалектном континууме свой путь развития, что позволяет рассматривать их как самобытный и уникальный идиом. Локализмы имеют различную локализованность на территории распространения кубанских говоров: их функционирование может как ограничиваться говором одного населенного пункта, так и охватывать широкий ареал. На основе генетического подхода в лексическом составе кубанских говоров выделяются следующие генетические пласты: 1. Неварьируемая лексика материнских говоров и общенародного языка. 2. Локальные варианты лексических единиц материнских говоров и общенародных слов. 3. Собственно локализмы. 4. Неварьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа. 5. Варьируемые прямые заимствования из языков народов Кавказа. Дальнейшее исследование лексического состава кубанского диалекта в генетических координатах сделает возможным составить максимально полное представление о путях его формирования, а так-

же о локальном лексико-семантическом своеобразии диалектной лексики Кубани, в котором отражается специфика говоров позднего образования и языковое творчество их носителей.

Сокращения

- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка: В 4-х т. Киев, 1958.
- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х т. М., 1982–1984.
- Мастепанов — *Мастепанов С. Д.* Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края. Армавир—Отрадная, 2013.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–48. М.—Л., СПб., 1965–2015.
- СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1964–1973.

O. Borisova. Lexical-semantic Timelines of Lately Originated Dialects in Genetic Coordinates

In current article based on research of kuban dialect the timeliness of lexical-semantic study of lately originated dialects in genetic coordinates is disclosed. Suggested research direction gives important information about secondary originated dialects affinity to mother tongue and discover their local identity. Keywords: lately originated dialect, kuban dialect, genic position, coordinate, local lexical-semantic identity.